

Барним Регалица

Январь¹

Один из двух офицеров российской армии, сидящих за столом, был поляком. Оба встали, когда хозяин (который не был членом нашей организации) представил меня – нового, неожиданного гостя, замерзшего и засыпанного снегом.

- Поручик Станкевич Евстафий Станиславович, – я почувствовал крепкое рукопожатие. Это был высокий мужчина с вытянутым лицом; вся его осанка говорила о том, что он военный – это было бы понятно, даже если бы он не носил мундира. На поясе у него я заметил топорик вместо сабли – он был сапером. Я представился своим настоящим именем – у меня не было выбора из-за хозяина дома, который ничего не знал о моей второй жизни, и считал меня другом сына по университету. Да и к тому же скоро все это уже не будет иметь никакого значения.

- Есаул Яковлев Андрей Тимурович, – так представился второй, в казацком мундире. Он был невысоким, стройным, и, несмотря на хрупкое сложение, видна была в нем огромная физическая сила. Его немного монгольские черты лица и пронзительно глядящие глаза говорили об уме, хитрости, силе. Из них двоих именно низкий и щуплый казак сразу показался мне более опасным.

Хозяин сказал несколько слов обо мне, думаю, ничего, что могло бы возбудить подозрения. Я пошел немного отдохнуть и через некоторое время присоединился к позднему обеду. За окном были морозные январские сумерки.

* * *

Я оказался тут, потому что, как и большинство членов нашей организации, не верил в начало восстания в январе. Поэтому, когда я узнал, что дата начала уже установлена и мне нужно ехать в формирующийся отряд в калишском воеводстве (к чему обязывало мое участие в тамошней организации), я был еще в Варшаве, в гостях у знакомых. Конечно, со времени издания этого несчастного указа о мобилизации я мог бы предвидеть, что если наша организация заявляет о недопустимости мобилизации – ответом на такой указ

---

¹ В январе 1863 г. началось освободительное восстание в Королевстве Польском, входившем тогда в состав Российской Империи (*здесь и далее – прим. переводчика*)

может быть только восстание. Таким образом, право выбора даты начала восстания было отдано врагу – потому что враг начнет набор в армию в наиболее подходящее для него время, т.е. в наиболее неподходящее для партизанской войны. Поэтому в январе, когда была начата мобилизация, мы могли выступить против властей или скомпрометировать себя – ясно, что выбор у нас был только один. С другой стороны, выступление в месяце, когда сама природа встает против нас, не говоря уж о нашей общей слабости, показалось мне абсурдом, которого я не мог допустить даже в мыслях. Поэтому, когда я получил сведения о том, что восстание уже началось и мне надо вернуться к своим, чтобы усилить штаб нашего отряда, я не поверил, а когда поверил – обмер. Во-первых, потому что на дворе был январь, а во-вторых – потому что мой личный опыт позволил бы назначить меня лишь взводным. А если мои способности оценили так высоко, что же тогда говорить о состоянии наших кадров? Но мы были не только заговорщиками, но и солдатами – по крайней мере, мы так считали. А главная обязанность солдата – подчиняться. Поэтому я подчинился и начал готовиться к дороге, опоздав уже в самом ее начале.

* * *

Первый этап своего путешествия я проделал по железной дороге; из багажа у меня с собой был только саквояж с вещами, которые могли пригодиться зимой в лесу, да еще неплохой складной нож и пистолет системы Деринджера в высоком голенище кавалерийского сапога. Поезд задержался, и хотя в Кутно меня ждал один из наших на подводе, мы ехали уже в темноте. Может быть, именно поэтому телега перевернулась на заледеневшей дороге – и пришлось завернуть к нему и ждать, пока он что-нибудь придумает. Остаток ночи я провел в доме железнодорожника, освобожденном для меня. Утром, к моему радостному удивлению, мне привели коня – это был кавалерийский скакун, приученный к службе. Мне сказали, что один из казацких полков возвращался на Дон, и коней, чтобы сберечь их силы, часть пути везли по железной дороге – и не довели. Кто-то из офицеров полка наверняка хорошо обогатился на этом. Имея лишь общие сведения о том, где сейчас должен находиться мой отряд (карты у меня не было), я отправился в путь.

Через несколько часов я понял, что не доберусь засветло. Боясь заблудиться в темном морозном лесу, я решил переночевать в доме родителей моего друга – к счастью, мне было по пути. И так я оказался здесь.

* * *

Я ел горячий обед, что объясняло мою неразговорчивость, и в то же время прислушивался к разговору за столом. Да и никто не ждал, что я окажусь душой компании. Эту роль прекрасно играл есаул Яковлев, который

рассказывал собравшимся о магнетизме и телекинезе – а он разбирался в предмете разговора, насколько я, человек чуждый всему этому, мог судить. Он говорил на прекрасном польском языке, наверняка выученном в течение многих лет службы у нас. Наш хозяин, простой провинциальный дворянин с домашним образованием, слушал его со смесью недоверия и удивления, вытаращив глаза и покачивая головой. Так же вел себя и сидящий рядом с ним эконо́м, который все просил объяснить ему трудное слово «гравитация». Этих трудных слов есаул использовал много – и поэтому его лекция вынужденно прерывалась многочисленными отступлениями. Он ее так и не окончил – было уже поздно, и офицер сказал, что днем он мог бы устроить небольшую демонстрацию сил, о которых только что рассказывал. Думая совсем не о магнетизме, я попросил хозяина разбудить меня на рассвете, чтобы отправиться в путь перед тем, как мои вынужденные товарищи проснутся. Но он разбудил меня намного позже, с обезоруживающей улыбкой сказав, что ему жаль было меня будить – так я хорошо спал. Одевшись и подготовившись к дороге, я волей-неволей вынужден был приступить к завтраку в компании двух офицеров вражеской армии.

То, что они были врагами, в то время на самом деле не значило много. В отсталой стране офицер – особенно артиллерийский или саперский – это часть интеллектуальной элиты. Такие офицеры особенно сильно были подвержены идейным течениям своего времени, а тем более, если были молоды и не занимали высокого места в иерархии. Как же много их сначала симпатизировало нам, и источником каких надежд была эта симпатия (как оказалась, надежды были чрезмерными)! В те годы два человека в царских мундирах могли не иметь друг с другом ничего общего, кроме мундира. И поэтому когда Яковлев прямо спросил меня, почему таким трудным оказывается единение поляков и москвитов, что он ясно видит, неся службу в Королевстве – я не удержался перед желанием дать откровенный ответ.

- Вы отобрали у нас нашу жизнь и не хотите ее возвращать. Верните наше – и мы можем объединяться.

Он грустно покивал головой. Москвиты могут быть намного грустнее нас.

- Что ж, римляне тоже лишили независимости этрусков, греков и галлов. Но было ли это для них плохо? Чем бы сегодня была Франция, если бы Верцингеторикс² выиграл под Алезией?

---

² Вождь кельтского племени арвернов, предводитель антиримского восстания в 52 г. до н.э.

- Тогда где же ваши дороги и акведуки? Ваш главный памятник в Варшаве – Цитадель³. Рим толерантно относился к религиям захваченных народов, а что вы делаете с униатами за Бугом? А ваша администрация! Ведь каждый губернатор – это Веррес⁴. Вот только нет Цицерона, чтобы его обвинить. Кандидат в цицероны издает журнал в Лондоне, а не в Петербурге.

Есаул усмехнулся, когда я сравнил Герцена с Цицероном. Как каждый интеллигентный (или желающий им выглядеть) русский того времени он читал «Колокол».

- Просто в отличие от римлян у нас несколько другая формула единства. Рим вел захваченные народы к Праву, мы же ведем их к Богу. И именно потому, что наша цель отличается от целей римлян, мы не охватываем некоторых вещей – ведь они для нас просто неважны. Например, дороги – зачем нужны хорошие дороги, если они ведут в неправильном направлении?

Я был поражен – еще никто из известных мне русских не оправдывал захватов подобным образом. Было в этом ответе что-то, что обеспокоило меня.

- То есть хорошие дороги, железнодорожное соединение, канализация и телеграф – все эти плоды прогресса, не имеют сами по себе никакого значения?

- Настоящий прогресс – это прогресс духа на пути к утраченному единению всех живых существ в Боге. Все остальное имеет значение с позиции этого настоящего прогресса, т.е. помогает оно ему или нет. Запад этого не понимает и потому гниет со своими телеграфами, железными дорогами и канализацией. Гниет его дух.

Я подумал, что во всех известных мне маленьких городках Империи (а видел я их немало, начиная с моего родного Мариуполя) гнило что-то совсем другое, что было связано с отсутствием канализации.

- Ну что ж, гниющий дух в немецких городах, по крайней мере, не воняет.

Яковлев коротко рассмеялся.

- Ну вы же сами видите, что неправы, – начал он через минуту уже серьезно, – потому что утверждение о том, что более высокая материальная культура

---

³ Политическая тюрьма в Варшаве.

⁴ Гай Корнелий Веррес, римский наместник Сицилии, известный злоупотреблениями и вымогательствами.

важнее культуры духовной имело бы значение только в том случае, если бы эта материальная культура вела нас к спасению. А мы знаем, что Спаситель назначил нести Слово простым людям, а не утонченным интеллектуалам или богатым купцам, хотя в Его время были и те, и другие. И осудил Марфу. А строители Вавилонской башни наверняка располагали большими техническими возможностями – но, несмотря на это, были наказаны.

Трудно мне было говорить о спасении; к тому же я считал, что в спорах, касающихся религиозных убеждений, со времен сотворения мира еще никто никого не переубедил. Но было еще что-то, что заставило меня отбросить рассуждения есаула.

- Нельзя ответить правильно на плохо поставленный вопрос. Вы провозглашаете оппозицию – иметь или быть, а она изначально ошибочна. Чтобы быть, надо сначала что-то иметь. Всегда были монахи, которые развивались благодаря аскетизму, но вы путаете добровольный аскетизм с навязанной нищетой. Да и если бы Запад действительно гнил, а бедность, отсталость и темнота ваших крестьян ставили их в моральном отношении выше датских или французских землепашцев – что общего имеет это с вашим политическим присутствием на наших землях?

- Вы не понимаете, – он выглядел крайне удивленным, – мы же спасаем ваши души.

Я действительно не понимал, о чем он говорит, что было заметно по моему лицу.

- Спасение – это в той же степени коллективный процесс, в какой человек является социальным существом, – продолжал есаул Яковлев. – Необходимы социальные условия, облегчающие путь к спасению. Эти условия есть в России, единственной независимой стране настоящего христианства православия. Третий Рим. К тому же, у нас есть и все материальные условия – Империя огромна и богата ресурсами. И все это неслучайно – Россия исполняет волю Божью и получила потому от Бога все для ее исполнения. А воля эта – расширение и усиление веры, до самых границ Земли. Таким образом, произойдет окончательное объединение христианства, и Земля будет приготовлена ко второму пришествию. И как тогда в контексте всего сказанного мной выглядит ваше сопротивление? Не так важно, что вы бунтуете против законной власти, хоть и это заслуживает наказания. Просто мы вынуждены подчеркивать этот аспект нашего с вами противостояния, потому что он понятен и для нашего народа, и для консервативной части европейского мнения, которое пока для нас важно. Что касается геополитических мотивов нашего присутствия на Висле – есть много «за» и «против», как офицер я разбираюсь в этом. В случае войны с Пруссией и

Австрией нам будет трудно обороняться на этом выдвинутом на запад «мысу», который представляет собой Королевство. Со стратегической точки зрения граница, существовавшая до Венского Конгресса, имела свои преимущества. К счастью, никто не предсказывает такой войны, но мы рассматриваем все варианты.

Самая важная причина, по которой мы не можем уйти отсюда, лежит глубже. Вы – первый западный народ, на котором Третий Рим может проверить свою теорию, оправдывающую его существование. Нам удалось спаять все народы и создать суперэтнос, объединенный православием и властью царя. Но все эти присоединенные народы были какими-то неполноценными. Малороссы и белорусы – без элиты и очень близкие нам. Финны – крестьяне, благодарящие нас за спасение от шведов. Балтийские немцы, один из столпов Империи, имеют много преимуществ от своей лояльности, к тому же их мало. Армяне и грузины прибегли к нашей защите, опасаясь турецких сабель. Так что первый настоящий народ Запада в нашей Империи – ваш. Если мы не сможем поставить вас под знамена настоящего христианства...это будет свидетельствовать не в нашу пользу. У вас есть уникальный шанс сделать первый шаг на историческом пути объединения Востока и Запада – слиться с нами. А вы все отказываетесь от этого шанса. Но поймите же, что отказываясь от царя, вы отказываетесь от Христа. А с этим нельзя согласиться!

- А вы не думаете, что нагайка – довольно экзотичный предмет для миссионера? – я криво усмехнулся.

- Я верю, что придет день, когда она станет не нужна. И может это случиться даже раньше, чем вы думаете. И у нас идет прогресс науки, разве что соединенной с традицией. Доктор Серафим Падмаев уже работает над вытяжкой из трав, созданной на основе народных рецептов, доработанных университетской медициной. Систематическое употребление экстракта в форме таблеток повышает способность к восприятию истин веры. Действие препарата усиливается созерцанием иконы Матери Божьей Казанской и небольшим количеством алкоголя.

Но это дело будущего. А мы тем временем – прошу нас понять – подчинили вас для вашего же добра. Ведь добро всего христианского мира это добро и для вас – разве не так? Я знаю, что этого может не понимать обычный чиновник и плохо относиться к вам, но элиты должны это осознавать. Осознавать и делать выводы.

Я не причислял себя к элите, но не успел сказать об этом, потому что в залу вошел хозяин, сообщив Яковлеву, что нашел предмет, о котором тот просил. Есаул извинился и вышел, сказав на прощание, что вскоре он продемонстрирует нам телекинез.

* * *

После того, как Яковлев удалился, я остался с глазу на глаз со Станкевичем, который до этого момента молча слушал нашу беседу, попивая чай.

- А вы согласны со своим другом? – спросил я.

- Я не всегда его понимаю, а в магнетизме не разбираюсь. Но я думаю, что наше место – в Империи. Просто мы заслуживаем большего.

- Мы – поляки?

- Мы – люди. Но, конечно же, это касается и поляков.

- Заслуживаем больше чего?

- Больше всего. Пространства, шансов, богатств, возможностей. Всего того, из чего складывается понятие счастья. У Российской Империи этого больше, чем у маленькой страны на Висле.

Я подумал о пространстве, отделяющем меня от каторги на Сахалине, – какая же оригинальная мера счастья! Особенно если мерить этапным маршем.

- И все эти возможности получится реализовать под властью хлестаковых и городничих?

- Вы видите только современное состояние дел. А мы живем в эпоху перемен, поэтому на социальную действительность надо смотреть, обращая внимание на процесс ее становления. Надо видеть вещи в движении. И с этих позиций они будут выглядеть совсем по-другому, учитывая тот факт, что реформы царя Александра положили начало определенным процессам. Шаг к разрешению проблем в сельском хозяйстве, современный уголовный кодекс, земства – эти начала самоуправления там, где позволяют политические условия. Это немного по сравнению с Францией, но как же много по сравнению с Россией эпохи Николая – а только такое сравнение имеет смысл. И это только начало движения локомотива прогресса в Империи. Кто знает, до каких станций мы еще доедем?

Вернемся к масштабам процесса. Происходит он на одной шестой части суши. Целая череда преимуществ происходит просто из размеров страны. Каждый, кто примет участие в этом процессе – выиграет. Если уж думать вашими племенными, вислинскими категориями – выиграют и поляки. Они более образованны и лучше знают Запад, чем представители других этнических групп Империи, не считая балтийских немцев. А ведь прогресс будет

представлять собой превращение России в западную страну. Таким образом, это дает определенный шанс представителям польского этноса в процессе модернизации Империи. Но чтобы воспользоваться этим шансом – нужно быть внутри. А если бы и было возможно оставаться вне этого процесса – это было бы невыгодно.

- Быть внутри в качестве кого?

- А разве это так важно? Конечно, если сравнить Империю с машиной, я буду только винтиком – но ведь от успеха машины выигрывают все ее части, даже самые маленькие и наименее важные.

- Вы не совсем правильно меня поняли. Используя вашу метафору – я спрашивал о системе винтиков, а не о отдельном винтике. Не о человеке-Станкевиче, а о Станкевиче-поляке, – я говорил спокойным, слегка ироничным тоном, ничем не желая его оскорбить, но именно в этот момент сквозь маску сдержанности на его лице проступила злоба.

- Тогда считайте, что Станкевича-поляка нет. Он растворился в человеке. И еще я скажу, что если уж оперировать коллективными категориями, – подобный совет надо дать всем полякам. Надо стать верным подданным Империи, которая просто обречена на исторический успех в результате проведения реформ, всегда, размышляя рационально, ведущих к прогрессу. И жители этой страны должны начать это понимать, иначе сами себе выроют могилу.

- Понимай или езжай в Сибирь?

- Демагогия! Прошу поверить мне – я никогда не одобрял применение войск для подавления недовольства. Но иногда, возможно, это государственная необходимость. Печальная необходимость. Но, может, хоть казацкие нагайки научат этот народ мыслить рационально, без романтических иллюзий, – он допил чай, и, неловко отставив чашку, опрокинул ее. Остатки золотистой жидкости разлились по скатерти. Только сейчас, долив себе чаю, я обратил внимание, что мы пили из старых фарфоровых чашек с украшениями в стиле ампир. Удивительно – хрупкий фарфор может быть более долговечным, чем жизнь человека.

- И к тому же, мы как представители просвещенного слоя этого народа должны понимать, – продолжил Станкевич через мгновение. – И, рассуждая здраво, – сколько еще вы можете сопротивляться?

- То есть...?

- То есть, вы должны посчитать, сколько вас и против чего вы поднимаетесь. Я уж и не говорю о военных столкновениях, в это безумие я не верю. Я имею в виду упорное стремление сохранить свою национальную идентичность, которую вы понимаете как политическую субъектность, а не как систему этнографических отличий, допускаемых властями Империи, как, например, у татар Казани или Крыма. Вы хотите быть чем-то большим, а каждую уступку воспринимаете как очередной шаг к недостижимым мечтам. Но против вас – шестая часть суши, а что на вашей стороне? Конечно, Королевство и прилегающие земли имели бы какую-то силу, если бы были заселены только поляками. Но крестьянин на этих землях – неважно, говорит ли он по-польски, по-русски или по-жмудски, – это прежде всего темный крестьянин, из-за отсутствия просвещения неспособный к какому бы то ни было политическому мышлению. А потому в массе своей неспособный к тому, чтобы сложить голову за какие-то политические идеи. Русского и белорусского крестьянина к верности царю подтолкнет православие. Но и крестьянин-католик Королевства прежде всего мечтает о земле и поддержит любого, кто ее даст. А дать землю может существующая власть, а не будущая. Польской буржуазии мало. В Королевстве есть один большой город, Варшава, четверть населения которого составляют евреи, не желающие идти на конфликт с властью, которая их терпит. Горожане, по большей части, – это недавно переселившиеся в город крестьяне, без образования и политических идей. Что же тогда остается? Только часть шляхты и духовенства, которая желает пожертвовать собственными интересами ради политических химер. И как долго горстка людей в отдельно взятой провинции может сопротивляться давлению крупнейшей известной в письменной истории Империи?

Я подумал, что тот железнодорожный рабочий, который пустил меня переночевать в Кутно, полностью разрушает эту схему социолога-любителя в мундире. Я допил чай.

- Поручик, на ваш вопрос уже некоторое время назад дали ответ. «Пока мы живы»⁵, Евстафий Станиславович.

В дверях появился хозяин и сообщил, что все готово к демонстрации, и мы вышли во двор. Яковлев стоял в мундире и с саблей, только без шинели. Смыслом происходящего должно было быть сгибание металлических предметов, которыми хозяин ради такого случая готов был пожертвовать. Мы отправились к стоявшей неподалеку дворовой кузнице, откуда раздавался

---

⁵ Строчка «Мазурки Домбровского», военной песни польских легионеров, ставшей позже национальным гимном Польши.

металлический стук. Там нас ждала старая чугунная лейка, которую казак должен был погнуть силой воли.

Когда мы остановились в дверях, мы увидели трех людей в кожаных фартуках, стоявших перед наковальней, на которой лежала коса. Еще несколько людей стояло у стены. Они были сосредоточены на работе и не обратили на нас никакого внимания. Хозяин движением руки показал есаулу эту лейку, висящую на заборе у стены кузницы, но тот остановился напротив кос. Некоторое время в полной тишине он приводил в порядок дыхание. Морозный воздух искрился в солнечных лучах, ветра не было. Есаул вытянул руку в сторону кос, и неожиданно одна из них двинулась, как будто ее взял невидимый человек, а ее лезвие начало гнуться. Я видел удивление на лицах трех кузнецов, прервавших теперь свою работу; один из них молча перекрестился. Вдруг лезвие лопнуло. Следом за первой косою пришел черед второй, а потом и следующих. Через мгновение рядом с остолбеневшими рабочими лежало на земле несколько сломанных лезвий. Есаул опустил руки и зашатался, оперевшись о плечо хозяина, удивленного, как и мы все, не считая разве Станкевича, который наверняка уже был свидетелем подобного действия. Тот взял в углу кузни старый чурбак, использовавшийся как стул, и подошел с ним к Яковлеву. «Он после демонстрации очень ослаблен, но это продолжается всего несколько минут», – объяснил он, подходя. Несколько минут – эти слова вывели меня из оцепенения – я понял, что это у меня осталось несколько минут. Я подскочил к единственной целой косою, той, которая лежала на наковальне, в то мгновение, когда повернувшийся ко мне спиной поручик подходил к Яковлеву, бессильно висевшему на руках у хозяина. Станкевич что-то почувствовал, молниеносно бросил чурбан и начал вытаскивать топорик, когда я пробил ему грудную клетку, приколотив его к замерзшей земле. Есаул уже стоял на ногах уверенно, смотря на меня каким-то понимающим, грустным взглядом – и я чувствовал, как сила этого взгляда подавляла мою волю. Солнце блеснуло на острие вскинутой им сабли – в этот момент я дважды выстрелил из выхваченного из-за голенища пистолета. Через мгновение он уже лежал с двумя красными пятнами на мундире.

- Ах, глупец... – услышал я из уст Станкевича. – Ах ты, бедный глупец... Кровь у него пошла ртом. Он престал двигаться и замолчал. Казалось, что он больше недоволен тем, что ему приходится быть винтиком, чем тем, что я его убил.

Так началось мое восстание.

Перевод с польского: Владимир Хозинский

[Велесова Слобода, 2008 г.](#)